

The background of the entire page is a detailed reproduction of Pieter Bruegel the Elder's painting 'The Fight Between Carnival and Lent'. The scene is a bustling town square filled with numerous small figures engaged in various activities. In the foreground, a man in a blue robe and a halo (likely a religious figure) is being carried on a stretcher by two men. To the left, a man in a red robe is being carried on a stretcher. In the center, a man in a blue robe is being carried on a stretcher. To the right, a man in a white robe is being carried on a stretcher. The background shows a town square with a large building, a church, and a harbor with a ship. The sky is blue with a few clouds.

Борис ВИШНЕВСКИЙ

ХРОНИКИ ВОЗРОЖДЕННОГО АРКАНАРА

Борис Вишневский

Хроники возрожденного Арканара

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Вишневский Б. Л.

Хроники возрожденного Арканара / Б. Л. Вишневский —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

В новую книгу известного писателя, публициста и политолога, лауреата премии «Золотое перо России», обозревателя «Новой газеты», депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, профессора кафедры политологии РГПУ им. А.И.Герцена Бориса Вишневского вошли его избранные статьи 2008–2015 годов о наиболее значимых событиях в российской и петербургской политике.

© Вишневский Б. Л., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жить не по лжи. Вот основной принцип, думаю, по которому должен жить каждый.

Жить не по лжи – это значит быть до конца искренним, свободным, не идти на внутренние компромиссы с тем, что большинству кажется истиной, а тебе – нет, не боясь окриков и преследований.

Борис Вишневский – один из тех, кто следует этому принципу Солженицына.

Кто-то согласится с написанным им, кто-то, возможно, нет. Одно бесспорно: книга написана подлинным патриотом, искренне желающим своей Родине процветания.

Олег Басилашвили

Борис Вишневский – человек, своей жизнью доказывающий, что политика может быть нравственной, а журналистика – честной.

Он – один из лучших депутатов петербургского Законодательного Собрания. Огромное число горожан видит в нем своего надежного защитника, видит, как много он делает для города, верит ему и поддерживает его.

Он – один из лучших журналистов России, удостоенный не только высших наград от профессионального сообщества, но искренней любви читателей. Человек, не боящийся говорить правду о том, что происходит в нашей стране и нашем городе.

Его статей ждут, его статьи читают, о его статьях спорят. Написанное им – уникальная политическая летопись нашего времени. Каждая его книга – событие.

«Хроники возрожденного Арканара» – новая замечательная работа моего давнего и верного товарища.

Григорий Явлинский

Борис Вишневский – мой старый товарищ. «Новая газета» любит публиковать его талантливые колонки. Но за последние пару лет, работая в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, Борис, безусловно, обнаружил редкий дар исследователя. Медицина. Бюджет. Строительство стадиона. Транспорт. Он выворачивает наизнанку внешне благопристойные цифры и жестко – достоверно предъявляет реальную картину жизни. В принципе, он создал жанр: памфлет-расследование. И доказал: всего несколько человек в питерском парламенте могут влиять на политическую гигиену страны.

Дмитрий Муратов

У нас в России сейчас совсем мало людей, кто сохранился в политике, последовательно отстаивая либеральные взгляды на развитие общества на протяжении четверти века. Борис Вишневский – один из них. Это означает умение быть убедительным для самых разных аудиторий. Такому стоит поучиться. Читайте его книгу.

Михаил Ходорковский

Жанр личного политического дневника, очередной тетрадь которого делится с читателем Борис Вишневский, представляется мне инструментом анализа страшных лет Рос-

сии более адекватным сегодня, чем претендующие на академичность теоретические исследования.

Монстр российской клептократии, возникший в результате эволюции советского коммунистического режима, требует для своего научного осмысления совершенно нового концептуального языка. А язык этот может выработаться только в процессе лабораторного наблюдения за поведением этого монстра.

Вот почему так важны в том числе и для будущих историков России (если сохранится объект их исследования) окажутся зафиксированные в полевых условиях «Истории болезни», начиная с «Наши десять лет» ушедшего от нас отца-основателя этого жанра Дмитрия Ефимовича Фурмана.

Борис, может быть, в силу своей сравнительной молодости, наиболее оптимистичен или скорее наименее пессимистичен среди нас, летописцев.

Беспощадно констатируя нарастающее сползание Русского пациента к катастрофе, он делает в то же самое время все возможное и как публицист и как политик, чтобы спасти нас от самих себя. Даже после Украинской трагедии.

Андрей Пионтковский

Борис Вишневский, блестящий публицист, человек несгибаемых принципов, – о российском безвременье, о деградации самодержавия и о том, как бороться за свободу и чувство собственного достоинства. Уникальное сочетание честного анализа, интеллектуального мужества, тонкой иронии и стремления найти выход из российского тупика.

Лилия Шевцова

От автора

Прошло семь лет с выхода сборника моих статей «Бывали хуже времена», где были собраны публикации 2004–2008 годов, стало ясно: действительно, бывают времена еще худшие, чем описанные в той книге. Эти семь лет – полный срок президентства Дмитрия Медведева, сберегавшего кресло для возвращения предшественника, и половина третьего срока президентства Владимира Путина.

Эти семь лет начались позорной войной с Грузией – и закончились позорной войной с Украиной, аннексией Крыма и интервенцией в Донбассе и Луганщине.

Эти семь лет начались с медведевского «свобода лучше, чем несвобода» – и закончились превращением Думы в «бешеный принтер», без усталости штампующий все новые и новые запрительно-мракобесные законы.

Эти семь лет начались с осторожной либерализации – закончились превращением страны в «осажденную крепость», переходом властей к воинствующему антиевропейскому курсу. Годы торжества серых – и к власти, как и предсказывали мои любимые братья Стругацкие, пришли черные.

Нерушимый блок чиновников и чекистов, черносотенцев и мракобесов, реакционеров и клерикалов, империалистов и ксенофобов, неонацистов и шовинистов. Авторитарный режим на глазах трансформируется в агрессивный имперский национал-социалистический.

«Как вольно дышится в возрожденном Арканаре!», – уверяют нас государственные пропагандисты, всегда готовые восхвалять сапог, который должны лизать, и травить тех, кто смеет сохранять «невосторженный образ мыслей»... Ложь и ненависть стали главными составляющими российской государственной идеологии.

Ложь – в общении российских властей как с собственным народом, так и с окружающим миром.

Ненависть – распространяемая с телевизионных экранов в адрес всех, имеющих мужество сопротивляться властям или хотя бы не соглашаться с ними. Не устаю твердить: мы живем в мире «Обитаемого острова» братьев Стругацких.

В мире, где башни-излучатели, подавляющие у людей способность к критическому восприятию действительности, включают на полную мощность не два раза в день, как на планете Саракш, а круглосуточно. Превращая лучевыми ударами «человека мыслящего в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки быющей в глаза реальности».

В сегодняшней кремлевской терминологии те, кто невосприимчив к пропагандистскому излучению, к «вечерам ненависти» в исполнении федеральных телеканалов, именуется «пятой колонной» и «национал-предателями». Но, как и в мире «Обитаемого острова», именно они – единственная надежда на будущее. Именно они, неподвластные массовому безумию «крымнашизма», охватившего страну, – единственная надежда на выздоровление.

Это выздоровление обязательно наступит, и Россия будет процветающей, безопасной, свободной и демократической европейской страной.

Я благодарю моих читателей, поддержку которых чувствую все эти годы.

Я благодарю моих друзей, с которыми многократно обсуждались темы моих статей, и чьи советы очень много мне дали – Ольгу Покровскую и Михаила Амосова, Григория Явлинского и Александра Кобринского, Льва Шлосберга и Александра Шишлова, Лилию Шевцову и Андрея Пионтковского, Екатерину Агаширинову и Евгения Миронова, Николая Копосова и Сергея Шелина, Наталию Евдокимову и Михаила Бегака, Айдера Муждабаева и Владимира Кара-Мурзу, Александра Скобова и Алексея Мельникова.

Я благодарю моих коллег из «Новой газеты» и других изданий, с которыми мне приходилось работать – Дмитрия Муратова и Сергея Соколова, Андрея Липского и Виталия Ярошевского, Диану Качалову и Александра Горшкова, Нину Петлянову и Александру Гармажапову, Виталия Рувинского и Веру Челищеву, Константина Полескова и Сергея Михельсона, Николая Донского и Дмитрия Шериха, Людмилу Телень и Дмитрия Докучаева.

Я благодарю Наталию Введенскую и Андрея Чернова за неоценимую помощь в подготовке книги к изданию.

И, конечно, я благодарю мою жену Вику и сыновей Максима и Мишу за неизменное терпение и поддержку.

I Нанореформы Медведева

Четырехлетнее правление президента Дмитрия Медведева начиналось с ожидания хоть небольших, но реформ. Реформы оказались не просто небольшими, а микроскопическими. Об этом – в первом разделе.

Голод в Кремле

Если президенту не хватает достойных кадров на губернаторские должности, значит, идея вертикали власти потерпела фиаско.

Через четыре года после отмены выборов губернаторов, оказалось, что в стране «кадровый голод», и он касается даже руководителей регионов. Тех самых, которых, как нас тогда уверяли, никак не может избрать несознательный народ, и куда лучше, если их назначит президент.

И что теперь? А вот что.

«Нет скамейки запасных. Каждый раз ломаем головы, как найти кадры для замещения высших должностей в регионах», – признался Дмитрий Медведев в минувшую среду. Решения о замещении должностей, по его словам, «порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, за деньги». Так что, уверяет президент, надо немедленно создать систему «резерва управленческих кадров в общенациональном масштабе». При этом наиболее перспективные кадры должны войти в «президентскую квоту», где он лично будет оценивать профессиональные достижения...

Решительно не вспомнить, чтобы кто-либо из президентов США сетовал на трудности подбора губернаторов или министров. Ни один из канцлеров Германии ни разу не признавался, что ломает голову над тем, как найти кадры для замещения высших должностей в федеральных землях. И не было ни одного президента Франции, который жаловался бы на короткую «скамейку запасных».

Причина не в том, что они не считают возможным публично сознаваться в «кадровом голоде», а в том, что это вообще не их проблема. И не только потому, что губернаторы американских

тов выбираются гражданами, а не президентом, а премьер-министры германских земель назначаются избранными гражданами ландтагами без какого-либо участия федерального канцлера.

В этих – и других демократических странах – есть и назначаемые чиновники. Но они попадают на свои должности не из системы «кадрового резерва» и не из «президентской квоты».

Они «выращиваются» в системе публичной политики и честной политической конкуренции, предполагающей свободные выборы, свободу СМИ, независимость суда, ответственность власти, свободу публичных акций, равноправие партий и необходимость объяснять гражданам, по каким причинам тот или иной персонаж занял ту или иную высокую должность.

В авторитарной же системе, которая ныне установлена в России, все механизмы публичной политики последовательно подавляются. И понятно, что в отсутствие механизмов влияния

общества на власть единственным способом рекрутирования кадров становится бюрократический. А он не может действовать иначе как «по знакомству» или «по личной преданности». В крайнем случае – «за деньги». Иного не дано. Система так устроена.

Примеров того, как совершенно, казалось бы, профнепригодные персонажи попадали на высокие посты, – пруд пруди.

Не только в «путинскую» эпоху: вопреки мнению тех, кто считает «девяностые» годы радикально отличающимися от «нулевых», принцип «преданность важнее профессионализма» торжествовал уже тогда. Разница лишь в том, что в «девяностые» кадры набирали из тех, кто был предан Ельцину, а в «нулевые» – из тех, кто был предан Путину.

Конечно, со временем абсурдность этой политики нарастала – число однокурсников Путина и его сослуживцев по КГБ или питерской мэрии, кажется, уже превзошло число тех, кто нес вместе с Лениным известное бревно на субботнике. Теперь все повторяется с Медведевым – аналитики увлеченно изучают список его однокашников, многие из которых уже занимают немалые должности.

Не вызывает сомнений, что указанный принцип – это путь в «кадровый тупик». И признать это сегодня вынужден даже президент. Вопрос лишь в том, какой выход он из этого видит: возвращение к демократическим процедурам и публичной политике или формирование новой номенклатуры и списков «действующего резерва».

Защита от граждан

Об особенностях наших законов

О том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность власти, записано в 18-й статье Конституции РФ. Вот только содержание (а особенно – применение) многих российских законов оказывается совсем другим. В чем смысл конституционной нормы? В том, что законы должны быть написаны так, чтобы обеспечить гражданам возможности реализовать закрепленные в Конституции права – на мирные собрания, на свободу передвижения, на участие в управлении страной и так далее. И деятельность власти, согласно Конституции, должна быть направлена на это же.

Это – в теории. А на практике все иначе: законы написаны так, чтобы власть могла свободно делать все, что она хочет, – а гражданин, желая реализовать свое право, должен был выполнить множество условий, сформулированных так, чтобы можно было «споткнуться» в любом месте. И знал при этом, что власть исходит из презумпции его недобросовестности: любое сомнение будет использовано против него...

Вспомним практику «согласования» публичных акций: запрет на них может быть наложен почти под любым предлогом, а отстоять свои права в суде гражданам не удастся, ибо сколь угодно абсурдное предложение властей об изменении места или времени проведения акции все равно считается «мотивированным». Казалось бы, надо поставить власть в жесткие рамки, указав в законе исчерпывающий перечень «мотивировок»? Но против этого выступает Конституционный суд, полагая, что такие ограничения неуместны. И тем самым фактически дает зеленый свет произволу.

Случайность? Вовсе нет: российские законодатели решали именно такую задачу. Европейское законодательство (а также правоприменительная и судебная практика) исходит из того, что «уведомительные» процедуры нужны лишь для того, чтобы власть создала для участников акции все возможности беспрепятственно выразить свое, пусть даже и неприятное для нее, мнение. А российский закон исходит из прямо противоположной посылки: облегчить власти запрет нежелательных акций...

Все то же самое с законом о въезде и выезде, который дает спецслужбам возможность «в интересах безопасности государства» запретить иностранцам въезд в Россию и не объяснять при этом, каким именно образом угрожает безопасности государства «нежелательная персона» (что не дает возможность оспорить запрет – нельзя опровергать непредставленные аргументы). И тот же КС (в определении по делу Морарь) не считает нужным предписать законодателям четко установить, в каких именно случаях можно запретить въезд, – чем, по сути, также закрепляет произвол.

Конечно, в законе нельзя предусмотреть все возможные случаи. Но, во-первых, к этому надо стремиться – чтобы у чиновника, решающего вопрос, который касается прав гражданина, было как можно меньше возможностей для произвола. А во-вторых, законодательство, как говорят юристы, формируется по «назревшим потребностям»: если что-то не предусмотрели сразу – потом, исходя из практики применения закона, надо вносить изменения, снижающие возможность произвола власти облегчающие гражданину защиту своих прав. Мы же наблюдаем противоположный процесс.

Например, избирательное законодательство усложняется с каждым годом, и сегодня в нем до запятой прописано, что должно быть в подписных листах, как оформлять агитационные материалы, как собирать средства на выборы и оплачивать расходы (вплоть до обязанности кандидатов оплачивать изготовление пяти подписных листов только по безналичному расчету и только через избирательный счет). При этом любая неточность трактуется не как случайная ошибка, а как правонарушение (а то и фальсификация) и жестоко наказывается снятием с «дистанции».

Так, весной этого года на муниципальных выборах в Петербурге представители Горизбиркома объясняли, что массовые отказы в регистрации вызваны-де тем, что кандидаты поленились изучить тысячи страниц избирательных законов, инструкций, постановлений. Но почему регистрация, которая вообще должна быть простейшей процедурой, превращается в сложнейшую задачу?

Почему в Эстонии для того чтобы участвовать в выборах, достаточно послать уведомление по почте, а в России, чтобы выполнить все формальности, кандидату надо иметь отдельную бухгалтерию и юридическую службу? Чтобы выборы (как объясняют авторы законодательных новаций) были «честными» и «прозрачными»? Или для того, чтобы можно было без труда придаться к любому «нежелательному» кандидату?

Все то же самое – в других областях законодательства. Не хотят освобождать условно-досрочно – ссылаются на «каучуковую» формулировку: мол, заключенный «не встал на путь исправления» (а в отсутствие критериев «вставания на путь» доказать обратное практически невозможно). Надо избрать меру пресечения в виде ареста – используют столь же «каучуковую» норму УПК о том, что имярек, «находясь на свободе, может воспрепятствовать след-

ствию», и не объясняют, чем, собственно, он может «воспрепятствовать». Надо отказать в создании филиала иностранной НКО – ссылаются на норму об «угрозе национальным интересам РФ», которые нигде не сформулированы...

Принцип прост: вместо того чтобы обеспечивать права граждан, власть старается максимально воспрепятствовать их реализации. И неудивительно, что законы не защищают граждан от произвола власти – вместо этого они защищают власть от требований граждан.

Политическая нанореформа

«Политическую» часть послания Дмитрия Медведева ждали с интересом: «утечки», следовавшие из Кремля, обещали после скандальных выборов 11 октября изменения в избирательной системе. Увы: то, о чем говорил президент, оказалось еще скромнее, чем год назад.

Часть нынешних инициатив – прошлогодние, «спроецированные» на региональный уровень, часть – обещана лишь перспективе. О массовых фальсификациях на октябрьских выборах Медведев не упомянул ни слова, ограничившись обтекаемым «отмечаются проблемы в организации выборов». И о том, чтобы наказать фальсификаторов, президент даже не заикнулся.

Большая часть «политических» инициатив президента – это предложения даже не на микро-, а на «наноуровне», которые в отличие от физики, в жизни общества ничего по существу не изменяют.

Что изменится, если в регионах введут отчеты губернаторов перед ими же сформированными (в условиях избирательной системы, позволяющей не допустить к выборам оппозицию) законодательными собраниями? А если региональные парламенты раз в году заставят послушать представителей непарламентских партий? Практика показывает, что «медведи» и парламентскую-то оппозицию игнорируют, а уж непарламентскую...

Правда, непарламентским партиям обещано представительство в ЦИК и региональных избиркомах – это лучше, чем ничего (сегодня они отрезаны от членства в комиссиях, и от документов и информации, то есть, от доказательств фальсификаций). А вот обещанные места в региональных парламентах для партий, набравших более 5%, наверняка сведутся к выделению им «приставных кресел» – одного-двух мандатов (как сейчас предусмотрено для Госдумы), и чисто декоративной роли.

Что касается досрочного голосования на муниципальных выборах (для федеральных и региональных выборов оно давно аннулировано) – примечательно, что президент не предложил его отменить, а лишь призвал «навести порядок». К тому же, идея запоздала: зачем привозить автобусами на «досрочку» подкупленных избирателей или курсантов, когда можно безнаказанно переписать протоколы голосования?

Наконец, два предложения, которые привлекли внимание: «выравнивание» числа депутатов региональных парламентов и отмена сбора подписей при регистрации на выборах для всех политических партий. Казалось бы, очевидные вещи – но преподнесенные как небывалое новшество.

Разве президент-юрист только сейчас узнал, что в 10-миллионной Москве лишь 35 депутатов Мосгордумы (в 5-миллионной Финляндии – 200 депутатов парламента), и что этого решительно недостаточно для народного представительства? Напомним, что резкое сокращение числа депутатов всех уровней – наследие даже не путинской, а ельцинской эпохи: оно закладывалось в 1993 году, когда победившая во время «великой октябрьской контрреволюции» исполнительная власть расправлялась с представительной, ведь чем больше депутатов – тем сложнее на них влиять.

же касается отмены сбора подписей – разве президент только сейчас узнал, что процедура «проверки» подписей стала не «тестом на массовую поддержку» партий, а инструментом отсеивания оппозиции от участия в выборах (особенно – после реализации его прошлогоднего предложения об отмене избирательного залога)? При этом он не предлагает немедленной отмены этой процедуры – речь лишь о неопределенной «перспективе».

Резюмируем: система меняться не будет – будут только «нанореформы». Начинать реальные демократические перемены, которые многократно предлагались и оппозицией, и независимыми экспертами, президент или не хочет, или не может. Более того, сурово предупреждает, что попытки «под демократическими лозунгами раскатать ситуацию и дестабилизировать государство» будут «пресекаться».

Осталась лишь маленькая загадка: как попали в президентское послание слова о том, что «реализация наших стратегических планов невозможна без полноценных перемен в обществе». Ведь вместо полноценных перемен или хотя бы декларации их необходимости нам предложена очередная имитация. Это насмешка или просто ошибка спичрайтеров?

Эффект отторжения

Недавно «Единая Россия» устами своих высокопоставленных функционеров заявила о том, что выстраивает «новую модель руководства и ответственности партии в регионах, поднимая статус лидеров своих отделений». А именно – «секретарь регионального отделения партии должен быть председателем законодательного собрания, и партия, победившая на выборах, должна делегировать его на этот пост». Ибо «секретарь партии ведет ее на выборы, дает обещания, и поэтому неправильно, когда воплощать эти обещания в жизнь посредством принятия законов будет другой человек». И не исключено, что в будущем подобная практика будет спущена также на уровень муниципалитетов, чтобы руководитель местного отделения «Единой России» возглавлял муниципальный совет.

Для начала стоит заметить, что законы, принимаемые «партией власти», большей частью никак не связаны с обещаниями, которые она дает перед выборами. Ведь, будучи неотъемлемой частью бюрократической машины, депутаты от «ЕР» лишь «штампуют» то, что написано в соответствующей администрации. Но куда интереснее то, что нынешнее предложение удивительным образом перекликается с тем, что когда-то стало «началом конца» прежней системы власти. Хотя его авторы, безусловно, на такой эффект вовсе не рассчитывали...

В июне 1988 года в нашей стране проходила XIX конференция КПСС, на которой генеральный секретарь ЦК Михаил Горбачев объявил о проведении политической реформы. Генсек заявил, что «существующая политическая система оказалась неспособной предохранить

нас от нарастания застойных явлений в хозяйственной и социальной жизни», что эта система «десятилетиями приспособлялась не к организации общественной жизни в рамках законов, а главным образом, к выполнению волевых распоряжений и указаний», и что для нее характерны «провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистического образа жизни, дефицит критики и гласности» (за редкими исключениями – как сегодня сказано – Б. В.). Горбачев заявил, что надо проводить конкурентные выборы с альтернативными кандидатами, и что надо «рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов», чтобы «мандат партийного руководителя проверялся и подтверждался представителями народа».

Понятно, что Генеральный секретарь задумывал своего рода «легитимацию» партийной власти: несмотря на 6-ю статью КПСС о «руководящей и направляющей роли партии», формальной (хотя и декоративной) властью в стране были именно Советы, а не обкомы и горкомы. И так же понятно, что предполагалось, что именно первые секретари повсеместно и выиграют выборы, возглавив Советы. Весной 1989 года на выборах народных депутатов СССР этот план начал воплощаться в жизнь – и немедленно начал рушиться.

Тогда, как, наверное, помнят читатели, перед кандидатами, желающими участвовать в выборах по одномандатным округам, был поставлен «фильтр» в виде так называемых «окружных собраний» (именно они, а не избиркомы, брали на себя отбор кандидатов, включаемых в бюллетень). Во многих случаях этот «фильтр» сработал: в 26% округов было зарегистрировано только по одному кандидату, в 70% – по два. При этом подавляющее большинство первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов были заботливо избавлены от конкуренции, будучи единственными кандидатами в своих округах. Но избиратели решили иначе: в половине округов, где были оставлены единственные кандидаты, они уверенно «провалили» их. А там, где партийным лидерам не удалось избежать конкуренции, их ждало еще унижительное поражение: граждане были готовы голосовать за любую альтернативу набившей оскомину «руководящей и направляющей».

В итоге проиграли выборы 35 первых секретарей обкомов, и практически все «первые лица» республиканских столиц и крупных городов. Так, в Москве проиграли выборы председатель Моссовета Валерий Сайкин и второй секретарь горкома Юрий Прокофьев (первый секретарь горкома КПСС и член Политбюро ЦК Лев Зайков был избран по списку «красной сотни» от КПСС). В Ленинграде проиграли выборы первый секретарь обкома КПСС Юрий Соловьев, второй секретарь обкома Анатолий Фатеев, первый секретарь горкома партии Александр Герасимов, председатель Ленгорисполкома Владимир Ходырев, его первый заместитель Алексей Большаков и другие высокопоставленные аппаратчики. В целом по РСФСР тогда проиграли выборы 24 из 76 первых секретарей (а среди выигравших почти все были единственными кандидатами в своих округах). В Киеве проиграли выборы первый секретарь горкома партии Масик и председатель горисполкома Згурский, во Львове – первый секретарь обкома Погребняк. Потерпели поражение первый секретарь Минского горкома, и его «коллеги» из Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе и Кишинева...

Стало ясно, что общество «проснулось» и стремительно начало политизироваться. И точно так же стало ясно, что граждане выступают категорически против монополии на власть – а потому бессменно правящая компартия и ее кандидаты вызвали растущее раздражение.

Через год, когда весной 1990-го прошли выборы в республиканские, городские и районные советы (перед этими выборами была отменена 6-я статья Конституции «руководящей и направляющей силе нашего общества»), эффект «негативного голосования» оказался еще более сильным: избиратели первым делом искали в бюллетенях беспартийных кандидатов, а уж номенклатурщики почти не имели шансов на избрание. Чем это все закончилось – хорошо известно.

Насколько можно сравнивать эти события с нынешними? Как представляется, общего достаточно много.

Выборы, прошедшие в стране 14 марта, отчетливо показали, что избиратели начинают понимать, что политическая конкуренция столь же необходима, как экономическая, а политическая монополия – столь же пагубна. А «Единая Россия» к тому же (точно так же, как в свое время КПСС) всячески показывает: мол, мы пришли навсегда, мы никому власть уступать не намерены, мы самые сильные, а все остальные – это «лузеры» и «маргиналы»... Реакция избирателей оказалась очень похожей: во многих российских городах на этих выборах голосовали не столько за коммунистов, «эсеров», жириновцев или «яблочников», сколько против «Единой России». В Иркутске выбрали мэра, выдвинутого КПрФ, не потому, что большинство избирателей там придерживаются коммунистических взглядов – а потому, что они хотели не допустить к власти его соперника, выдвинутого «ЕР» (ситуацию усугубило и правительственное постановление, разрешающее печально известному БЦБК вновь начать отравлять Байкал).

В Петербурге проявился точно такой же эффект – на выборах в «Автово» и на Малой Охте, несмотря на массированное применение «административного ресурса», и, несмотря на абсолютный контроль «партии власти» за избирательными комиссиями, «медведи» потерпели ощутимое поражение. И не столько потому, что их конкуренты были так уж известны и любимы народом, сколько потому, что, как и двадцать лет назад, избиратели хотели голосовать за любую альтернативу. Правда, – и в этом радикальное отличие нынешних событий от «дел давно минувших дней» – итоги выборов, которые не устроили власть, были отменены под надуманными предлогами. В 1989–1990 годах такая «избирательная технология» не применялась: тогда никому в голову не приходило признать итоги выборов недействительными, если первый секретарь их не выигрывал. А уж о подделке протоколов голосования, – что сейчас стало массовым явлением, –

и речи не было, несмотря на то, что избирательные комиссии контролировались партийными органами...

Конечно, это не единственное отличие – тогда, двадцать лет назад, власть была на очевидном «спаде», и уже почти не пользовалась доверием граждан, чего нельзя сказать о власти нынешней. Но «маятник» общественных настроений, как представляется, начал свое движение, во многом похожее на то, что мы наблюдали тогда. Недаром все больше и больше протестных акций проводится, – как это было в марте в Петербурге, – под простым лозунгом: «Долой монополию на власть!». И, как показывает, в том числе и наша история, от появления таких общественных настроений до кардинального изменения Системы проходит куда меньше времени, чем кажется ее основателям.

Они даже не представляют!

Лучшее, что можно сделать для усовершенствования института полпредов, – ликвидировать его

Исполнилось 10 лет первому политическому нововведению Владимира Путина – созданию института полпредов. 13 мая 2000 года, всего через неделю после инаугурации, президент подписал указ № 849, поделив Россию на семь федеральных округов.

Тогда полпреды считались людьми могущественными, а их имена были на слуху. Сегодня они почти утратили свое влияние,

не каждый аналитик сразу вспомнит, кто занимает должности, которых уже стало восемь (Северный Кавказ выделен в отдельный округ). Тем не менее Дмитрий Медведев, встретившийся с полпредами по поводу юбилея, подчеркнул важность этого института. Президент заявил, что полпреды должны «стимулировать процессы модернизации» и что он «не исключает» возможности принятия «новых решений», направленных на совершенствование деятельности полпредств. После этого Александр Хлопонин, «наместник» на Кавказе, попросил президента передать полпредам новые полномочия.

тем институт полпредов в «телеге власти» изначально был «пятым колесом» – все формально возложенные на него задачи должны были выполняться уже существовавшими структурами. Так, в субботу президент с гордостью заявил, что уже в первый год существования полпредств «были приведены в соответствие с Конституцией и федеральным законодательством три тысячи региональных законов», и полпреды «не должны ослаблять контроля над этой сферой». Отметим, однако, что объявленное 10 лет назад главной задачей полпредов «приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным» – это обычная функция прокуратуры. Именно прокуратура, а не отсутствующие в Конституции и в российском законодательстве (и по сей день статус «наместников» не определен ни одним законом) полпреды, должна следить за «несоответствиями», исправление которых является не героизмом надзирающих чиновников, а рутинной процедурой, поскольку и сами федеральные законы постоянно меняются.

Так же обстоит дело с другими объявленными 10 лет назад задачами полпредов. Бороться с коррупцией может и должно МВД. Докладывать президенту, как идут дела в федеральном округе, могут референты, изучив сообщения местных СМИ. А «координировать работу федеральных структур» на территории регионов, входящих в федеральный округ, и вовсе нет необходимости. В самом деле, в какой «координации» нуждается работа налоговых органов Петербурга и Архангельска? Или антимонопольных ведомств на Алтае и в Бурятии?

На самом деле полпредства создавались совсем для другого (формально, само собой, это не указывалось): для превращения федеративного государства (где никаких «полпредов» быть не может) в унитарное и для неконституционного вмешательства Москвы в политическую жизнь регионов.

Опираясь на федеральные силовые структуры, полпреды должны были «держат в узде» избранных губернаторов, которые тогда считали себя независимыми от Кремля, и оказывать влияние на исход региональных выборов. Собственно, вмешательство в эти выборы де-факто и было до 2004 года главной, хотя и неформальной, функцией полпредов. В любом регионе, где проходили выборы губернатора или Законодательного собрания, полпредство было активнейшим игроком, поддерживая одних кандидатов и «топя» остальных, решая, кого снять с выборов,

кого оставить, в чью пользу применить «административный ресурс».

В конце 2004 года ситуация кардинально изменилась: губернаторские выборы отменили (впрочем, к тому времени уже ни один избранный губернатор не осмеливался перечить «центру»). Казалось бы, отпала и необходимость в полпредах – зачем президенту контролировать собственных назначенцев? Однако институт полпредов не отменили: именно они должны были «рекомендовать» президенту будущих губернаторов. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев им позволялось «рекомендовать» тех, кого Кремль и так решил назначить. Ну а нынешняя система «наделения полномочиями» и вовсе исключает участие полпредов: будущего губернатора предлагает президенту партия, победившая на региональных выборах. Да и губернаторы давно встроены не только в административную, но и в партийную «вертикаль», будучи, как правило, членами «Единой России».

В общем, лучшее, что можно было бы сделать для «усовершенствования» полпредств, – ликвидировать их. Но либо Дмитрий Медведев не хочет лишаться структуры, хоть как-то позволяющей ему действовать независимо от Владимира Путина, либо решение по этому вопросу принимает не он.

Демократия вместо бюрократии

*Политическая реформа – дело всего общества,
а не только власти*

Словосочетание «политическая реформа» в последнее время стало достаточно распространенным – о ней говорят и представители власти, и представители оппозиции, и независимые эксперты. Вот только каждый понимает это по-разному.

Власть понимает реформу, как «консервативную модернизацию», при которой изменения направлены на сохранение за ней доминирующего положения и усиление политической монополии. В свою очередь, многие представители оппозиции мечтают о

вращении в «счастливые 90-е», и требуют восстановления политических механизмов тех лет – в том числе, выборов депутатов по одномандатным округам, и прямых выборов губернаторов, делающих их независимыми от представительной власти.

Представляется, что и тот и другой подход не обеспечивают решение задачи модернизации. Если в стране не будет проведена настоящая (а не имитационная, ничего не меняющая по сути) политическая реформа, позволяющая гражданам оказывать решающее влияние на власть, и делающая власть реально зависимой от граждан, – государственные институты останутся столь же слабыми и неэффективными, как сейчас, и можно будет только мечтать о победе над коррупцией и преодолении отставания России от развитых стран в экономике и социальной сфере.

Недавно в Европейском университете в Санкт-Петербурге группа исследователей (Михаил Амосов, Ольга Покровская, Наталия Евдокимова, Тимур Надточей, а также автор статьи) представляли доклад «Многopартийная демократия и задачи политической модернизации России».

Опыт процветающих демократических государств Европы и Америки показывает: ключевую роль играют не бюрократические, а публичные структуры, не исполнительная власть, а

зависящий от граждан парламент. При этом политические партии конкурируют между собой за право формировать правительство по итогам выборов – как в регионах, так и в стране в целом. Подчеркнем: именно партии, имеющие политическую историю и политическую репутацию, заботящиеся о ее улучшении, и несущие ответственность на свою деятельность перед гражданами. А не «движения» и «фронты», участников которых объединяет порой лишь неприятие существующего режима. И нередко составленные из политиков, успевших побывать как в правительстве, так и во множестве партий, но при этом не желающих нести политическую ответственность за свою прошлую деятельность и ее результаты...

Конечно, демократия существует и при прямом избрании населением главы исполнительной власти. Но эффективная политическая состязательность и ротация правящих партий гораздо легче достигается в тех странах, где правительство ответственно перед парламентом. В России, как известно, начиная в 1993 года эта ответственность практически уничтожена (не считать же таковой ежегодные отчеты правительства перед Госдумой – при

что российский парламент не наделен правом ни назначать, ни смещать министров). Между тем, формирование парламентом ответственного перед ним правительства на основе высказанных на парламентских выборах предпочтений избирателей – ключевой механизм, который позволяет гражданскому обществу контролировать правительство. Однако, нынешний парламент не может быть таким «связующим звеном» между обществом и властью, так как лишен почти всех каналов влияния на исполнительную власть.

Как их обеспечить? Авторы доклада предлагают закрепить за сформированным после выборов парламентским большинством (возможно, коалиционным) исключительное право предлагать президенту кандидатуру премьер-министра, а также осуществлять выдвижение кандидатур на другие важные государственные посты (министры, председатель Центробанка, послы и т. д.). Парламентское большинство получает в свои руки важнейшие рычаги государственного управления, но одновременно на него возлагается и вся политическая ответственность за результаты деятельности правительства.

В свою очередь, за парламентской оппозицией должны быть закреплены важнейшие контрольные функции. Именно она получает право назначать председателя Центризбиркома и половину состава ЦИК (то же касается и избирательных комиссий всех уровней) – потому, что именно оппозиция больше всего заинтересована в том, чтобы выборы были честными, и чтобы не применялся «административный ресурс». При этом исполнительная власть должна быть полностью отстранена от формирования избиркомов – эту роль на себя должны брать только партии, участники политического процесса, каковыми чиновники являться не должны. То, что сегодня исполнительная власть является ключевым «игроком» на выборах – недопустимая вещь в демократическом государстве. Далее, именно оппозиция должна получить исключительное право предлагать главу Счетной Палаты и половину аудиторов СП, Уполномоченного по правам человека, и, конечно, – главу комиссии парламентского контроля и половину состава соответствующей комиссии.

Что еще представляется важным? То, что региональные власти должны формироваться независимо от центральной власти – только тогда в обществе появляются новые политики и новые идеи. И президент должен не «выбирать» будущего губернатора из трех кандидатур, представленных ему победившей на выборах партией, а чисто формально вносить для назначения главой исполнительной власти в регионе того, кого определило парламентское большинство. Более того, партии, участвующие в региональных выборах, должны заранее сообщать

избирателям, кто возглавит правительство, если граждане отдадут им предпочтение – таким образом, граждане де-факто будут выбирать не только депутатов, но и губернатора. Простой пример: голосуя за консерваторов или либералов в Великобритании, за христианских демократов или социал-демократов в Германии, избиратель знает, кто возглавит правительство в случае победы «его» партии. А у нас это знает только президент – который не обязан считаться ни с кем в этом вопросе...

Что касается самих выборов, то для обеспечения политической конкуренции представляются необходимыми следующие изменения. Снижение «проходного барьера» на выборах по партийным спискам, обеспечивающее подлинное представительство интересов граждан с разными взглядами (до 2–3%). Автоматическая (без всякого сбора подписей, превратившегося исключительно в механизм снятия оппозиции с выборов) регистрация кандидатов от политических партий, которые заявили об участии в выборах. Одновременное резкое упрощение создания новых партий и снижение не менее, чем до 10 тысяч человек, необходимого числа их членов. Возврат права на создание межпартийных избирательных блоков и графы «против всех».

Что касается возврата к одномандатным округам (что часть оппозиционеров считает признаком демократичности избирательной системы), то не хватит ли рассказывать сказки о якобы «независимых» кандидатах, представляющих «только избирателей округа», и предоставления «ярким одиночкам» возможности «прорваться парламент»? Практика показывает, что все эти «одиночки», как правило, тут же примыкают к партии власти – достаточно вспомнить выборы в Госдуму в 2003 году, когда блок «Единство» (будущая «Единая Россия») получил четверть голосов по партийным спискам, а затем в соответствующей фракции почему-то оказалось большинство депутатов. Нужно другое – по примеру скандинавских стран, так проводить «пропорциональные» выборы, что у избирателей появляется возможность влиять на распределение мест внутри партийных списков, и отдавать предпочтение тем или иным кандидатам от «своей» партии...

Среди других предложений – прямые выборы Совета Федерации, превращение президента в гаранта Конституции и координатора работы всей системы органов государственной власти (а не «самого большого начальника»), выведение судебной системы из-под контроля органов исполнительной власти, восстановление федерализма (сведенного почти на нет «вертикаль»), усиление региональных парламентов и увеличение их численности, создание гарантий политического плюрализма на телевидении.

Возможно, все они покажутся спорными. Но, как представляется, их (как и другие предложения, касающиеся политической реформы), общество должно обсуждать, не оставляя это на долю политиков. Потому что именно от этого зависит, будут ли решаться проблемы граждан, и будет ли власть зависеть от них – или, как сейчас, будет зависеть только от себя самой.

Шило вместо мыла

Большинство из моих московских друзей и знакомых давно страстно желало избавиться от мэра Юрия Лужкова, правду о котором нам мужественно рассказали те самые федеральные телеканалы, которые до этого столь же мужественно долгие годы ее скрывали.

Но вот, наконец, справедливость восторжествовала – друг пчел, строителей, Церетели и Кобзона, просидевший на своем месте даже дольше, чем Леонид Брежнев, с позором отставлен. И что же – на его место придет поборник свободы, демократии и прав человека? Человек, любящий и знающий Москву и ее проблемы, и неравнодушный к нуждам москвичей? Тот, наконец, кого они сами хотели бы видеть на этом месте?

Ответ уже известен: 21 октября мэром Москвы станет вице-премьер Сергей Собянин, главное достоинство которого заключается в том, что он – «человек Путина», в своей федеральной карьере обязанный ему решительно всем, и первым бросавшийся поддерживать все путинские инициативы.

Человек, о деятельности которого в Совете Федерации (где он в 1998–2000 годах возглавлял комитет по конституционному законодательству), не осталось почти никаких следов, и которого те, кто работал с ним в комитете, усмехаясь, называют «никаким».

Человек, который после отставки Бориса Ельцина первым от имени движения ОВР заявил, что его лидер Евгений Примаков не будет претендовать на президентский пост, а в мае 2000 года одним из первых поддержал предложенную Владимиром Путиным реформу Совета Федерации (губернаторов и спикеров сменили назначенные ими «представители»).

Человек, который в сентябре 2004 года первым (в тот же день!) поддержал предложение Путина об отмене выборов губернаторов, первым из губернаторов сложил свои полномочия до выражения президентом доверия к нему, первым высказался за продление президентского правления до семи лет, а ранее первым из губернаторов вступил в «Единую Россию».

Человек, который, будучи губернатором Тюменской области, провел «монетизацию льгот» еще до того, как она была объявлена федеральным законом, и установил такой контроль над СМИ, что когда в Тюмени пенсионеры, недовольные «монетизацией», перекрыли движение, об этом в прессу не просочилось ни слова.

Человек, который живет в Москве всего пять лет, причем – занимая должности главы президентской администрации, а потом вице-премьера. То есть, живущий в мире, параллельном тому, в котором существует подавляющее большинство москвичей. В надежно охраняемом ФСО и предельно уютном мире, где нет ни пробок на дорогах, ни очередей в поликлинику, ни текущих крыш и дырявых труб, ни поборов в школах и детских садах, ни вымогательства чиновников, ни произвола милиции...

Наконец, человек, которого по опросу «Эха Москвы», хочет видеть мэром 8% москвичей, а по опросу «Коммерсанта» – и вовсе 3%.

«Он возглавлял избирательный штаб Медведева!», – сообщают нам в качестве одного из аргументов в пользу усаживания Собянина на столичное правление. Если кто помнит то, что у Медведева называлось «избирательной кампанией» – страшно подумать, какая «тяжелая» работа досталась Собянину.

«По образованию Сергей Семенович юрист, и это позволит ему более эффективно решать проблемы борьбы с коррупцией и защиты прав граждан», – радуется вице-спикер Гос-

думы от «Единой России» Вячеслав Володин. В милиции у нас очень многие имеют юридическое образование – как там насчет «защиты прав граждан» и «борьбы с коррупцией»?

Хочется спросить у тех, кто особенно громко требовал от президента отставки Лужкова, громко заявляя, что ежели он этого не сделает – значит, он тряпка, и об него можно вытирать ноги: вы этого хотели?

Вам не нравилось шило? Получите вместо него мыло. Вам не нравилась «Интеко»? Получите вместо нее родные и близкие для нового мэра по его ханты-мансийскому прошлому «ЛУКойл» и «Сургутнефтегаз». Вам не нравился старый барин? Извольте получить нового, которому, в отличие от старого, доверяет президент...

Мало кто, заметим, задает простой вопрос: а с какой стати доверие или недоверие президента вообще должно что-то значить? Никого в Калифорнии не волнует, доверяет или не доверяет Барак Обама Арнольду Шварценеггеру (с которым они к тому же состоят в разных партиях): важно лишь то, доверяют ли ему жители Калифорнии. Или губернатору Техаса Рику Пери. Или еще двум десяткам губернаторов-республиканцев: предложение смещать их по такому основанию, как «утрата доверия президента», вызвало бы в Штатах гомерический хохот.

Между тем, пока такое основание, – как для назначения, так и для отставки губернатора, – будет присутствовать в российском законодательстве, любой губернатор, само собой, и будет заботиться не о доверии граждан, а только о доверии президента. А на интересы граждан ему будет равным счетом наплевать. Что мы наблюдаем на протяжении последних шести лет – с тех пор, как отменили губернаторские выборы. И менять губернаторов будут не тогда, когда они осточертеют гражданам, а только тогда, когда они чем-то не устроят президента. И каждый следующий, – по старой традиции, – будет оказываться хуже предшествовавшего.

Так будет повторяться, пока не изменится система – и надо понимать, что если следующий питерский губернатор будет определяться исключительно в Кремле, – может настать время, когда о правлении нынешнего губернатора придется вспоминать, как о временах свободы и демократии...

Впрочем, то, что сейчас очень многими представляется «волшебной палочкой» – возвращение прямых выборов губернаторов, – тоже не следует переоценивать. Это мы тоже уже «проходили» – и именно выборы глав регионов, которые считали себя, получивших мандат прямо от населения, всевластными «первыми лицами», никому не подконтрольными и не подотчетными, привели к установлению десятков авторитарных режимов «местного значения», где подавлялась оппозиция, фальсифицировались выборы, и процветал только бизнес, связанный с властью. Что, по сути, и стало началом уничтожения демократии в стране – впоследствии накопленный опыт был просто расширен до национальных масштабов.

Поэтому выход видится не столько в возврате прямых выборов (которые, впрочем, конечно же, лучше, чем нынешняя система фактического назначения, то есть утверждения единственной кандидатуры, предложенной президентом, под угрозой роспуска регионального парламента), сколько в «отключении» президента и правительства от формирования региональной исполнительной власти. А это достигается отнюдь не только прямыми выборами губернаторов – но и переходом к «парламентским республикам» в регионах, когда правительство (во главе с губернатором) назначается парламентом без всякого участия федеральной вла-

сти. И потом именно парламентом и контролируется (и им же, при необходимости, снимается) – что, как показывает мировой опыт, надежно заставляет исполнительную власть следовать интересам избирателей.

Собственно, это – отказ от «вертикали», когда губернаторы и де-факто и де-юре подчинены президенту, – и называется федерализмом. А если сохранять нынешнюю систему – честнее будет поменять Конституцию, вычеркнув из нее это слово. Впрочем, как и другие слова – например, «социальное государство»...

Хорошо забытое старое

Многостраничный «манифест просвещенного консерватизма», вышедший из-под пера Никиты Михалкова, – смесь предвыборной речи и религиозной проповеди. Причем, еще и плохо исполненная.

Грубые исторические ошибки, путаница в понятиях (а порой и их подмена), верноподданно-льстивый в отношении к начальству и напыщенно-менторский в отношении к гражданам тон, призывы к следованию христианским добродетелям, выглядящие явным фарисейством на фоне роскошного образа жизни автора, обласканного властью и извлекающего из близости к ней баснословные прибыли... Исходя из всего этого, опус Михалкова не стоило бы даже обсуждать, если бы он был исключительно частным мнением Никиты Сергеевича. Но удивительное совпадение ключевых тезисов «манифеста» с потребностями правящей элиты почти не оставляет сомнений в том, что перед нами – апробация государственного идеологического проекта. Правда, новым назвать этот проект никак невозможно: все это уже было. И очень хорошо известно, чем это закончилось для нашей страны.

На то, что михалковский «манифест» практически дословно воспроизводит известную «триаду» николаевского министра просвещения Сергея Уварова про «три начала, без которых Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – православная вера, самодержавие и народность», – сразу же обратили внимание многие комментаторы.

Действительно, «просвещенный консерватизм» по Михалкову – это Россия, которая держится на православной вере и абсолютной лояльности населения, «преданного на совесть» самодержавной власти. И никакого «либерализма», который для Михалкова является символом зла (в чем он, заметим, не одинок). Мол, реформы в России успешно осуществлялись только «деятелями просвещенно-консервативной ориентации» (к которым он причисляет в том числе, Александра II и Петра Столыпина), а разруху приносили исключительно «проповедники радикального прогресса и неистовые вожди либеральных буржуазно-демократических и пролетарских революций».

«Эйфория либеральной демократии закончилась!», – с пафосом восклицает Никита Сергеевич, требуя «перестать выслушивать декларации о политической независимости, внимать призывам к индивидуальной свободе и верить сказкам о чудесах рыночной экономики».

На кого все это рассчитано – на людей, не знающих историю собственной страны? Успешные российские реформы были как раз либеральными по содержанию. Это, в первую очередь,

реформы Александра II: освобождение крестьян, сокращение срока службы в армии, создание земств, выборность ректоров и деканов университетов. И, конечно, судебная реформа, основанная на либеральных принципах: независимость суда, отделение судебной власти от власти «обвинительной», гласность и состязательность судопроизводства.

Что касается Столыпина, то проведенные им реформы были тоже либеральными, а не «охранительными». Желая для страны отсутствия «великих потрясений», Столыпин мечтал о свободной России, управляемой ответственными гражданами, стремился создать массовый слой независимо мыслящих собственников, заложить основы рыночной экономики в аграрном секторе, и выйти на качественно новый уровень светского образования.

Ну, а почитаемыми Михалковым «консерваторами» были, в первую очередь, Николай I, чей курс (основанный на уваровской «триаде») привел Россию к поражению в Крымской войне, и Николай II, политика которого привела страну к катастрофе 1917 года. Да и лидеры КПСС брежневской поры, которые привели страну к самой настоящей разрухе и пустым полкам, были отнюдь не либералами...

Ну, а когда Никита Сергеевич призывает «не верить сказкам о чудесах рыночной экономики», становится просто смешно.

Ему-то, объездившему весь мир, прекрасно известно, где живут лучше – при рыночной или при нерыночной экономике. Или не помнит Михалков, какое впечатление на советских граждан производили европейские или американские магазины? Ему не известны данные о сравнительном уровне жизни в России и странах Западной Европы или США (а также – об уровне зарплаты), где нет ни самодержавия, ни преданности населения властям? Зато там есть характерное для либерального и демократического государства отношение к власти, как к нанятой гражданами на работу структуре, которая должна перед ними отвечать, и работать в их интересах. Если власть не справляется со своими обязанностями – ее меняют. И тут-то мы и подходим к главному, как представляется, в проповедуемой Михалковым идеологии, квинт-эссенция которой – независимость власти от общества.

«Власть – от Бога!», – уверяет Никита Сергеевич. Конечно, если именно таков ее источник (вообще-то, в российской Конституции он определен иначе!), то народ не смеет спрашивать с власти, а тем более – помышлять о ее смене, как это принято в ненавистном для Михалкова «либеральном мире». Какие выборы, если власть имеет божественную природу? Ей можно только подчиняться, быть ей «преданным на совесть», оказывать ей «добровольное содействие» и проявлять «сердечное законопослушание» и «свободную лояльность». Главное достоинство гражданина, по его мнению, – это «умение достойно подчиняться авторитетной силе». При этом весьма характерно, что Никита Сергеевич прямо говорит не о «гражданах», а о «подданных».

Вообще-то, с подобными монархическими идеями знатный кинорежиссер слегка запоздал – на век, как минимум. Тем более, что он уверяет, что в России должно быть лишь три партии (консервативная, либеральная и социалистическая), и среди них нет места монархической. Впрочем, Михалков и предлагает гражданам в обмен на лояльность и «сердечное законопослушание» не монархию, а «гарантийное государство», хотя суть его практически та же: наличие «единой и единственной» верховной власти, прототип которой «нам близок и понятен», а нынче «конституционно закреплен и представлен в должности президента России».

Перечитайте еще раз Конституцию, Никита Сергеевич – это бывает полезно перед написанием «манифестов». Нет в ней «единственной верховной власти», а есть разделение властей. И когда он пишет, что «мэры городов федерального значения должны выдвигаться на должность и освобождаться от должности президентом страны» – это прямое противоречие конституционному принципу самостоятельности местного самоуправления. Когда он требует «изгнать из современной российской политики карьеристов и проходимцев, закрыть в нее доступ демагогам и аферистам, искоренить из нее преступников и коррупционеров», – кроме невыносимой банальности этого тезиса, сразу вспоминается, как лично Никита Сергеевич поддерживал Александра Руцкого и агитировал на выборах за Бориса Березовского. А когда он распаляется от ненависти к либерализму – как не вспомнить, что Никита Сергеевич хвалил идеолога «либеральной империи» Анатолия Чубайса, сидя рядом с ним в прямом эфире Первого канала, и называя его «великим менеджером».

Теперь, впрочем, у Михалкова придумана своя империя – «континентальная». И, кстати, когда он призывает «покончить с либерализмом», то не очень понятно, куда направлен его гнев: где он нынче усмотрел тот либерализм, с которым так яростно борется? В чем – в чем, а в излишнем либерализме нынешнюю власть упрекнуть трудно...

Смысл предложений Михалкова прост: «законсервировать» существующий порядок вещей. Господа должны остаться господами, слуги – слугами, потому что так установлено «от бога». А кто хочет это положение вещей изменить – будет наказан. И здесь Никита Сергеевич предельно откровенен: «все, что подрывает свободную лояльность, должно устраняться из жизни государства и гражданского общества, а все то, что усиливает ее, должно в них утверждаться и культивироваться».

«Внутреннее свободное соединение личности с нацией, гражданина с обществом, подданного с государством в конечном счете нелогично, оно идет не от ума, а от сердца», – вынужден признать Никита Михалков.

И вправду нелогично: свободные люди не бывают «подданными». Точнее, «верноподанными», которыми очевидно хотел бы видеть российских граждан Никита Сергеевич.

И, кстати, «голосовать сердцем» нас когда-то уже призывали. Чем это закончилось – хорошо известно. Так не лучше ли опираться в таких вопросах не на сердце, а на ум, а голосовать – головой?

Попытка вернуть выборы

Ассоциация «Голос» представила проект Избирательного кодекса, который научит россиян голосовать

Группа экспертов Ассоциации по защите прав избирателей «Голос» под руководством Аркадия Любарева разработала проект Избирательного кодекса России. Кодекс призван заменить пять федеральных законов, регулирующих проведение выборов, сделав избирательное законодательство непротиворечивым, удобным в применении и понятным. А также – установить приоритет избирательных прав перед избирательными процедурами. Действующие законы, напротив, устанавливают презумпцию вины кандидатов и партий.

Первая версия базового закона об основных гарантиях избирательных прав граждан, вступившего в силу в декабре 1994 года, была по объему в десять раз меньше нынешней, а выборы за эти годы стали на порядок менее равными и честными. Чем сложнее становился закон, тем больше появлялось возможностей для произвола избирательных комиссий. Целью изменений этого закона в последние годы было не развитие политической конкуренции, а ее ограничение; не расширение контроля общества над властью (выборы – главный способ), а контроля власти над выборами; не сменяемость власти в соответствии с предпочтениями избирателей, а обеспечение ее несменяемости независимо от этих предпочтений.

Необходимость упорядочения избирательного законодательства очевидна. Оно громоздко, противоречиво и написано так, что избиркомы имеют возможность отсеивать кандидатов практически по своему усмотрению. Между тем закон должен быть понятен тем, кого он касается, а не только членам избиркомов, которые любят объяснять трудности оппозиционеров тем, что они-де «сэкономили на юристах».

Эксперты «Голоса» разработали такую структуру кодекса, чтобы каждый субъект избирательного процесса мог легко понять, какие главы и статьи ему в данной ситуации пригодятся, а какие нет. Дублирование норм устранено. Они сгруппированы в статьи, главы и разделы, к которым действительно должны относиться. Чтобы никого не запутывать, в проекте исключено разделение норм на императивные (прямого действия) и диспозитивные (отсылающие к другим законам). Наконец, кодекс разделен на две части: общую (по смыслу аналогичную нынешнему Закону «Об основных гарантиях...») и специальную (описывающую порядок выборов президента и Госдумы). Общая часть при этом содержит нормы, которые будут действовать на региональных и муниципальных выборах и которые не нужно будет дублировать в региональных законах.

Избиркомы без чиновников?

Теперь о содержательных нововведениях, которые меняют сам избирательный процесс исходя из принципа «права важнее процедур». В первую очередь эксперты «Голоса» предложили новый принцип формирования избирательных комиссий. Они

лагают исключить участие органов и должностных лиц исполнительной власти в формировании избиркомов. Эта мера должна лишить чиновников (хотя и не совершенно) возможности контролировать выборы.

Авторы проекта предполагают, что ЦИК должен формироваться Советом Федерации, региональные избиркомы – региональными парламентами, муниципальные избиркомы – муниципальными советами, а комиссии должны состоять на две трети из представителей партий, на треть – из «непартийной общественности». При этом партийная квота касается всех партий, а не только парламентских, как сейчас.

При регистрации кандидатов нынешний принцип сбора подписей остается только для небольших регионов и муниципалитетов. При этом число подписей снижается до 1% численности избирателей, а если на муниципальных выборах на один депутатский мандат приходится менее 500 избирателей, то все кандидаты регистрируются в заявительном порядке. Без подписей и залога (его эксперты «Голоса» предлагают восстановить) регистрируются списки кандидатов, выдвинутые партиями, набравшими более 2% на последних выборах. Остальные канди-

даты будут собирать подписи, однако «в определенных местах под наблюдением избирательных комиссий» и в количестве до 0,1% числа избирателей.

Сейчас проверка подписей избирателей для кандидатов – момент истины, для избиркомов – наиболее удобный момент устранить неудобных. В проекте «Голоса» основания для признания подписи недостоверной или недействительной формулируются так, чтобы нельзя было «забраковать» подпись, если избиратель «может быть однозначно определен и нет оснований считать, что он не ставил свою подпись». Если избиратель письменно или устно (на заседании избиркома или рабочей группы, проверявшей подписи) заявил, что это его подпись, то почерковеды не в силах объявить ее недостоверной (сейчас даже личное свидетельство избирателя бессильно опровергнуть «заключение эксперта»). Превышение допустимой доли бракованных подписей (10%) должно подтверждаться вступившим в силу решением суда. Это также призвано уменьшить возможность произвола.

Как вам это понравится

Одна из глав кодекса посвящена применяемым на выборах избирательным системам – их эксперты «Голоса» предлагают великое множество. Так, на президентских и губернаторских выборах они намерены использовать привычную мажоритарную систему с голосованием в два тура. Выборы глав муниципалитетов могут проходить как в один, так и в два тура.

Депутаты Госдумы избираются по смешанной системе, аналогичной той, что действовала до 2007 года: избиратель голосует как за партийный список (при этом «барьер» снижается до 4%), так и за кандидата, баллотирующегося в одномандатном округе. В одномандатных округах имеют право баллотироваться партийные и независимые кандидаты.

На региональных выборах не допускается ни полностью мажоритарная, ни полностью пропорциональная система. Доля депутатов, избираемых как по спискам, так и по округам, не должна быть меньше одной трети и больше двух третей («барьер» не может быть выше 4%).

На выборах муниципальных депутатов использование пропорциональной системы допускается только в варианте открытых списков. В этом случае избиратель может проголосовать за одного кандидата из списка.

На всех выборах восстанавливается право избирателя голосовать против всех (но не возвращается порог явки). Возвращается право создавать избирательные блоки, а общественные объединения снова могут направлять наблюдателей на выборы. При этом отменяется запрет на критику соперников в телеэфире.

При голосовании вводится обязательное использование прозрачных урн и одноразовых номерных пломб. Перед подсчетом голосов члены участковых избиркомов делят обязанности по жребью: одни оглашают содержание бюллетеней, другие сортируют, третьи считают. Наконец, участковые комиссии лишаются права пересчитывать голоса и составлять повторные протоколы без позволения вышестоящей комиссии или суда.

К чему полумеры?

Проект кодекса не лишен недостатков, и главный, по моему мнению, – сохранение «подписной системы» регистрации кан-

датов. Справедливо называя «робкой полумерой» предоставление одного-двух мандатов партиям, набравшим 5—7% (следовало бы снизить барьер), авторы проекта и сами предлагают полумеру – следовало бы вообще отменить сбор подписей. Решение видится простым: все партии регистрируют кандидатов на всех выборах в заявительном порядке. А для кандидатов, не желающих представлять ни одну из существующих партий, можно ввести доступный избирательный залог.

Что касается возвращения выборов в одномандатных округах и выборов губернаторов (за что ратуют многие представители демократической оппозиции), то целесообразность этого вовсе неочевидна. Так, партия власти в мажоритарных округах (пример – выборы Мосгордумы) забирает все мандаты, а вот по спискам оппозиция имеет шанс пробиться в парламент, тем более при сниженном барьере. Ушли в прошлое времена «ярких одиночек», которые могут «прорваться» в парламент через округ и которые, за редчайшими исключениями, после этого не окажутся в рядах партии власти.

То же касается и выборов «беспартийных» губернаторов, после победы вступающих в «Единую Россию». Формирование региональными парламентами ответственных правительств может стать куда более надежным механизмом контроля общества над властью, чем выборы губернаторов, впоследствии назначающих в правительство региона людей, за которых не несет ответственность ни одна политическая сила.

Все это, впрочем, не умаляет достоинств проекта. Его авторы опровергли расхожий тезис об отсутствии у оппозиционеров конструктивных предложений.

Тюнинг

Как президент обновил политическую систему

Президент Медведев в послании к Федеральному собранию напомнил, что в предыдущих посланиях 2008–2009 годов уже сформулировал основные позиции «по совершенствованию

политической системы и демократии». Остался лишь последний штрих: ввести пропорциональную или смешанную избирательную систему на муниципальных выборах. И тогда можно считать, что выборы в Госдуму в декабре 2011-го пройдут уже «в условиях политической системы, обновленной на всех уровнях», с удовлетворением констатировал президент.

Как же выглядит сегодня «обновленная» система и сильно ли она отличается от прежней? А если отличается, то в какую сторону? Проанализируем состояние ключевых политических институтов.

Президент: срок полномочий увеличен с четырех до шести лет при отсутствии каких-либо разумных обоснований.

Шаг к демократии? Вряд ли: чем чаще выборы – тем больше у граждан возможности выразить одобрение или неодобрение проводимому курсу. Отметим, что из всех демократических стран Европы более чем пятилетний президентский срок установлен

Австрии, Ирландии, Италии и Финляндии. Но все эти страны – парламентские республики, в которых президент является представительской фигурой. А во Франции, стране с сильной президентской властью, на референдуме 2000 года президентский срок был сокращен с семи до пяти лет.

Правительство: единственное изменение статуса – введение обязанности раз в год отчитываться перед Госдумой.

Само по себе – разумно. Но в ситуации, когда это не влечет правовых последствий, а парламент не может влиять на состав правительства, превращается в формальную процедуру. Что мы уже дважды и наблюдали.

Госдума: срок полномочий увеличен с четырех до пяти лет (также – при отсутствии обострений). Парламентские партии получили равный доступ к государственным СМИ. Введена возможность для «малых партий» (получивших от 5 до 7% на выборах) получать один или два депутатских мандата, обретая все права парламентской партии, включая освобождение от сбора подписей на выборах всех уровней, равный доступ к СМИ и участие в формировании избиркомов. Что касается непарламентских партий, то они получили право раз в год выступать на думском заседании.

Максимум все это – «полушаги» к демократии. Ключевым для обеспечения представительства было бы снижение 7-про-центного заградительного «барьера» (скажем, до европейских 3–4%), но президент в Послании-2008 высказался против этого. Кстати, 5–7% голосов избирателей – это от 24 до 32 мандатов

Госдуме. Таким образом, налицо нарушение принципа пропорциональности и определенная дискриминация избирателей «малых партий». Хотя для тех, кто пройдет в Думу по этому правилу, это все же лучше, чем ничего.

Совет Федерации: введена норма, по которой членом верхней палаты может стать лишь тот, кто был избран региональным или местным депутатом.

Как представляется, это мало что меняет в положении «сената», где заседают люди, нередко имеющие отдаленное отношение к «представляемым» регионам. При необходимости сделать «нужного человека» сенатором его легко изберут депутатом районного или сельского уровня, где господствует «административный ресурс».

Региональные парламенты: численность будет унифицирована – в зависимости от числа избирателей в регионе. Парламентские партии получают равный доступ к государственным СМИ. Действующие губернаторы будут отчитываться перед парламентами, а кандидатуры будущих губернаторов президенту будет представлять победившая на выборах партия. По «думскому» образцу один мандат будет гарантирован «малым партиям», набравшим более 5%, со всеми правами парламентской партии в будущем. Также по «думскому» образцу непарламентские партии раз в год получают трибуну для выступления.

Как и в случае с Госдумой, все это не более чем полушаги. Вместо снижения «барьера» – один «утешительный мандат» для «человека-фракции». Вместо профессионализации региональных парламентов – крайне растяжимые критерии численности. А вместо исключения президента из процедуры формирования региональной исполнительной власти («вертикаль»

в федеративном государстве – нонсенс) – политический пинг-понг: выигравшая партия посылает президенту три кандидатуры, из которых он отбирает одну, для того чтобы эта же партия и утвердила его губернатором.

Избирательная система: главное – отменен избирательный залог. Практически отменено (за редкими исключениями) досрочное голосование и усилен контроль за открепительными удостоверениями. Партии, имеющие фракции в региональных парламентах (а не только «думские»), освобождены от сбора

писей. Снижено число подписей, необходимых для регистрации на думских выборах (на ближайших выборах нужно будет не 200, а 150 тысяч, на следующих – 120).

Первое новшество можно расценить только отрицательно: возможность внесения залога для оппозиции часто оказывалась единственным способом регистрации в ситуации, когда любую «ненужную» партию можно «отсеять», объявив «бракованными» собранные подписи.

Отмена «досрочки» и ужесточения выдачи «открепилок» – вещь полезная, но запоздавшая: давно разработаны более эффективные механизмы обеспечения «нужного» процента для партии власти. Зачем привозить на досрочное голосование ветеранов или заставлять бюджетников брать открепительные удостоверения, если можно переписать протоколы голосования?

Что касается снижения числа подписей, то дело не в их числе, а в драконовском механизме «проверки».

Честные выборы, как известно, включают четыре компонента: свободное создание партий, доступный механизм регистрации на выборах, равные условия предвыборной кампании и адекватное подведение итогов. Никаких изменений в этой области не произошло – о каком усилении политической конкуренции (декларируемом президентом) можно говорить? Скажем, снижено с 50 до 40 тысяч необходимое число членов партий, но по-прежнему Минюст может «зарубить» создание любой «ненужной» организации.

И, наконец, последнее предложение президента из нынешнего послания – выборы по партийным спискам в муниципалитетах – очень сомнительная идея.

Какие «партсписки» в сельских районах, где отродясь не слыхали ни о какой партии, кроме КПСС? Список «Единой России» организует администрация, а отделений остальных партий (тем более непарламентских) там никто и в глаза не видел. Вдобавок общественные объединения, не являющиеся партиями, лишены права выдвигать избирательные списки (кстати, несмотря на то, что президент в послании 2008 года призывал сохранить за ними это право). Результатом будет автоматическое получение единороссами половины мандатов. Неужели именно этого хочет президент?

«Важнейший показатель качества жизни людей – это качество политической системы», – заявил Медведев. Исходя из

рассчитывать на улучшение жизни было бы непозволительным оптимизмом.

Обжалованию не подлежит

Решение Хамовнического суда по делу Ходорковского и Лебедева ошарашило даже тех, кто не питал иллюзий относительно исхода процесса. «Дадут лет девять – чтобы не вышли до президентских выборов, и не мешали Путину вернуться в кресло, временно занятое Медведевым», – уверяли они.

Оказалось – тринадцать с половиной лет: так, чтобы вышли (если им, чего нельзя исключать, не организуют третье дело) только в 2017-м. Практически столько же, сколько требовали прокуроры (то, что сумели услышать из уст судьи Виктора Данилкина, дословно повторяет обвинительное заключение), цинично заявлявшие во время суда «как мы решили, так и будет».

При этом руководитель пресс-службы Мосгорсуда Анна Усачева сетует на «беспрецедентное давление на суд», но не думайте, что она имеет в виду растиражированное на всю страну заявление Путина о «доказанности» вины Ходорковского, сделанное за десять дней до приговора. Оказывается, на бедного судью давили... средства массовой информации (!). А министр иностранных дел Сергей Лавров храбро заявляет, что критические мнения из-за рубежа не влияют на решение независимого российского суда. Думается, в сходной стилистике это ведомство, – в ответ на заграничные нападки, – заявляло и о независимости судов, выносивших приговоры «врагам народа», а потом «антисоветчикам»...

Между тем, чтобы понять абсурдность приговора, не надо быть юристом или экономистом, и вовсе не обязательно ненавидеть путинский режим. Достаточно оценить несложные факты.

В приговоре указано, что ЮКОС за инкриминируемый обвиняемым период получил 15 миллиардов долларов прибыли, а его нефтедобывающие «дочки» – 2 миллиарда. Но затем сделан вывод о том, что вся нефть, которая была добыта и продана ЮКОСом,

похищена, и вся нефть у «дочек» тоже была похищена. Что называется, или наденьте трусы, или снимите крест.

Прокуроры так и не объяснили, куда делась якобы украденная нефть. И как можно было, если вся нефть была украдена, не заплатить налоги (за что Ходорковский и Лебедев были осуждены в 2005 году).

приговоре утверждается, что свидетельские показания, данные в суде Германом Грефом и Виктором Христенко, доказывают вину Ходорковского и Лебедева. Но свидетели показали прямо противоположное, заявив, что им ничего не известно о хищениях нефти в это время в подобных масштабах.

Во время процесса судья Данилкин отвергал почти все ходатайства защиты (в том числе, о вызове свидетелей и приобщении документов к делу) и удовлетворял все ходатайства обвинения. Такое можно допустить, если представить себе, что прокуроры – юридические гении, а адвокаты – безграмотные невежды. Вот только из наблюдения за процессом складывалось, мягко говоря, противоположное впечатление...

Ни один из серьезных юристов, комментировавших приговор, не считал его законным и справедливым – все они уверенно говорят, что он не имеет ни малейшего отношения к правосудию. И это не вопрос квалификации судьи Данилкина, не вопрос о степени реально оказанного на него (не через СМИ, а совсем из другого источника) давления, и не вопрос отсут-

ствия у него гражданской смелости для вынесения законного решения. Его действия должны рассматриваться с другой точки зрения: не наличествует ли здесь состав, определенный в статье 309 УК РФ – вынесение заведомо неправосудного обвинительного приговора, связанного с лишением свободы?

Впрочем, не только Ходорковскому и Лебеву вынес приговор судья Данилкин. Он вынес его и всему российскому «правосудию» (трудно не взять это слово в кавычки), в рамках которого отныне бессмысленно надеяться на защиту своих законных прав. Он показал, что власть не намерена соблюдать какие-либо приличия, не намерена идти ни на какие компромиссы, когда речь идет о личной мести (и мы все знаем, с чьей стороны). И он вынес приговор Дмитрию Медведеву, показав, что в России сегодня нет президента.

Есть гражданин Медведев, замещающий эту должность – но нет гаранта Конституции, ибо нет (не только в деле Ходорковского

Лебедева, но в нем – наиболее ярко) гарантированных ею прав и свобод. И грош цена всем словам Медведева о «правовом государстве», «независимом суде», «модернизации», и особенно, свободе, которая лучше чем несвобода...

Судья Данилкин поставил точку в долгой истории надежд на «медведевскую оттепель», о которой мечтали все те, кому смертельно надоело путинское правление. Надо, мол, только не торопить его (как в свое время торопили Горбачева), дать ему освоиться, набрать силу, расставить своих людей на ключевые посты и приступить к действиям... Правда, за тридцать месяцев правления Дмитрий Медведев не сделал ровным счетом НИ-ЧЕГО для изменения политического курса, который проводил Путин – но надежды оставались. Последним импульсом для них стало предновогоднее интервью, где президент заявил, что никто из госчиновников не вправе высказывать свое мнение о виновности лица до решения суда – что резко диссонировало с заявлением Путина, уверенного в «доказанности вины» Ходорковского.

Будущие участники «медведевского большинства», с надеждой ловящие каждый «сигнал», должны доказать либеральные намерения президента, встрепенулись: наконец-то! Свершилось! Вот она, «сознательная демонстрация окончательного разрыва внутри тандема» (как умилялся Гарри Каспаров)! Вот она, «борьба между головами нашего державного орла»! Вот он, президент, решительно ставящий на место премьера! Вот оно, предвестие законного решения по делу Ходорковского!

Жестокое разочарование последовало через три дня, когда судья Данилкин зачитал первые строки приговора, и стало понятно, что он будет обвинительным. А когда стал ясен срок, стало ясно, что единственное предназначение Медведева – через год безропотно уступить место Путину...

Да, президент не имеет полномочий влиять на решение суда – но в его руках такой «абсолютный» инструмент, как помилование (заметим, не предполагающее ни признания вины осужденными, ни обращения за помилованием). Он вправе инициировать амнистию тем, кто отбыл не менее половины срока за экономические преступления. И он вправе «поторопить» проект закона, по которому день, проведенный в СИЗО, засчитывается за полтора или два дня в колонии – в этом случае срок заключения Ходорковского и Лебедева резко сократился бы (учитывая годы,

веденные в следственный изоляторе)... Но ничего этого он не делает – и, думается, не сделает.

С приговором Ходорковскому и Лебедеву (который уже обжалован) большая часть «думающего» российского общества не согласилась и не согласится. А вот с приговором Медведеву дело обстоит прямо противоположным образом.

Он – окончательный. И обжалованию уже не подлежит.

Губернатор фильтрованный

Путин предложил вернуться к выборности губернаторов, но в такой форме, что это обернется профанацией

О том, что выборы губернаторов и членов Совета Федерации надо возвращать, в последние годы говорили постоянно.

Даже Дмитрий Медведев, который пару лет назад заявлял, что раньше чем через сто лет этого не произойдет, стал допускать и сокращение этого срока. И, казалось бы, предлагая вернуть процедуру, Путин делает уступку общественному мнению. Однако вовсе нет.

Что предлагает Путин? Партии, представленные в региональном парламенте, выдвигают кандидатов в губернаторы. Потом кандидатуры посылают президенту, который и решает, кто будет включен в бюллетень для голосования на прямых выборах населением региона. Аналогичную схему Путин предлагает и для сенатских выборов. И, наконец, он предлагает сохранение за президентом возможности отправить даже выбранного губернатора в отставку.

Зачем предлагать схему, аналогов которой нет ни в одной демократической стране? Почему не дать народу право выбирать без всякого «президентского фильтра»? Премьер отвечает на это аргументами 2004 года, когда объяснял отмену губернаторских выборов: надо «отсекать приход во власть людей, которые будут опираться на полукриминальные силы». Но практически все губернаторы, которых считали опирающимися на эти «темные

были либо переназначены, либо впервые предложены к назначению президентом Путиным. Некоторые трудятся и по сей день. Никакой «фильтр» не сработал.

Схему Путина тут же поддержал нынешний президент: это «хороший переходный вариант» к подлинно прямым выборам. И губернаторы дружно выступили за эту «более демократичную» схему. Демократичного в ней между тем нет ровным счетом ничего.

Понятно, что из кандидатов, которые выдвинуты партиями, президент оставит лишь тех, кто его полностью устраивает. Теоретически это может быть даже одна кандидатура – от той партии, которую представляет он сам. Или две кандидатуры – со спарринг-партнером, чье участие позволит назвать выборы альтернативными. А представители оппозиции через «фильтр» не пройдут.

После этого назвать выборы – выборами можно будет ровно с тем же основанием, как и некогда выборы Советов депутатов трудящихся – только тогда роль «фильтра» играл обком

или райком КПСС. По сути, именно в прошлое нам сейчас и предлагают вернуться – выдавая его за «переходный период»

будущему. Почему – понятно: последние выборы показали, что власть может одержать победу лишь путем массовых фальсификаций. Остается одно: так «отфильтровать» претендентов, чтобы победить еще до голосования.

А зачем нам президент?

Пусть политики борются за парламентские мандаты, а не за должности в исполнительной власти

Разговор, начатый статьей Лилии Шевцовой, Игоря Клямкина и Михаила Краснова «В Конституции не должно быть места для вождя» (см. «Новую газету» от 11 января), представляется не только важным, но и требующим продолжения.

Важным потому, что авторы призывают именно к системным, а не к персональным изменениям российской власти (обычно

ничиваются требованиями отставки Путина или Чурова, Фурсенко или Нургалиева). А требующим продолжения – потому что, говоря о политической реформе как отказе от сложившегося в России в последние годы самодержавия, авторы предлагают ограничиться «полушагом» вместо необходимого шага.

Требование политической реформы, – изменения принципов государственного устройства, – ранее почти не встречавшееся у российских политиков, сегодня стало традиционным. Об этом говорят Михаил Горбачев и Григорий Явлинский, Михаил Ходорковский и Михаил Касьянов, Владимир Рыжков и Геннадий Зюганов, Алексей Кудрин и Гарри Каспаров. И многие другие. Об этом же – и статья Шевцовой, Клямкина и Краснова. И лозунг «Долой самодержавие!» – предложенный автором

«Новой газете» в январе 2004 года и казавшийся тогда политическим чудачеством, – сегодня становится все более и более адекватным отражением общественных настроений. «Систему менять надо», как в знаменитом анекдоте конца 80-х. Вот только – как?

Сначала – немного истории.

Мысль о введении поста президента РСФСР возникла у сторонников Бориса Ельцина осенью 1990 года – как продолжение тактики освобождения от «диктата центра». В марте 1990 года был учрежден пост президента СССР, которым стал Михаил Горбачев, – в ответ родилась идея наделить Ельцина статусом, сравнимым с тем, что уже имелся в «конкурирующей фирме».

Соответствующее решение было принято 17 марта 1991 года на референдуме – «да» на вопрос о введении президентского поста ответили 70% пришедших избирателей. При этом – что очень важно – президентский пост создавался не как необходимый обществу государственный институт, а исключительно как способ объявления Ельцина единоличным главой государства. И именно на этот вопрос, по сути, отвечали как сторонники, так и противники Ельцина, не очень задумывавшиеся о различиях между парламентской (какой была РСФСР) и президентской республикой...

На первые два года республика оказалась полупрезидентской, поскольку российский парламент де-юре сохранил свои полномочия. Но де-факто возник второй центр власти, который начал перетягивать на себя полномочия и ресурсы и избавляться от мешающего ему парламентского контроля.

Дело здесь было не в личных качествах Ельцина – такое поведение свойственно любой исполнительной власти. Но в странах с сильной правовой системой и устоявшимися демократическими традициями президент не может стать самовластным и бесконтрольным. А в России, – с ее традициями единоначалия и уверенности в том, что начальник выше закона, – парламент автоматически оказался «второстепенной» ветвью власти. Попытки поставить исполнительную власть на положенное ей место привели к известным событиям осени 1993 года, после которых была принята Конституция, закрепившая в России президентскую республику.

На протяжении последующих лет необходимость президентского поста в России считалась само собой разумеющейся, а неприятие парламентской формы правления было характерно не только для власти, уверенно заявлявшей, что только «сильная президентская власть» годится для нашей страны, но и для большинства оппозиции.

Одни оппозиционеры опасались «левого реванша» и «красного правительства», другие – «смены правительства каждые 3–4 месяца, как в Италии», третьи сетовали на «безответственность парламента», которому никак нельзя поручить формировать правительство, четвертые пугали возвращением «всевластия Советов» и так далее. И потому призывы к парламентской республике вплоть до последних лет проходили по разряду политологических мечтаний, а претензии к власти были не системными, а персональными. Мол, стоит выбрать вместо «плохого» президента «хорошего», как власть начнет работать в интересах граждан, эффективно решая их проблемы...

Понимание того, что «не начнет», стало приходить лишь в последние годы. Когда стало ясно, что при любом президенте – Ельцине, Путине, Медведеве – власть одинаково глуха к нуждам граждан, потому что независима от них. Именно эта независимость и была главной задачей Конституции 1993 года – хотя и публично не декларируемой. Именно для этого реальные полномочия были переданы в руки президента и подчиненной ему «вертикали», а законодательная власть была сделана бессильной. И именно поэтому любые намеки на отказ от президентства вызывали в Кремле неизменную ярость и дежурные заверения в том, что этого не может быть потому, что не может быть никогда.

Между тем без этого отказа изменение ситуации в стране невозможно. Сохраняя «президентскую вертикаль», мы так и будем бороться лишь со следствиями, а не с причинами неэффективности российской власти. Следовательно, отказываться надо – но в пользу чего?

Верно констатируя наличие у общества сегодня «стихийного запроса на иной, чем самодержавие, государственный строй», Лилия Шевцова, Игорь Клямкин и Михаил Краснов тем не менее предлагают полупрезидентскую форму правления – с сохранением президентского поста. Переход же к парламентской республике они отрицают, полагая, что он, «как и 20 лет назад, несет в себе опасность дезорганизации всего государственного механизма». Потому что парламентская форма правления эффективна лишь в тех странах, где сложились сильные партии и где укоренились демократическая политическая культура и конституционное правосознание.

знание – чего в России нет. Вот когда партии вырастут и окрепнут – тогда можно об этом и подумать...

Согласиться с этой аргументацией – при всем огромном уважении к авторам – трудно. Потому что она напоминает известное «вот научитесь плавать – тогда мы вам в бассейн воду нальем».

Жалобы на отсутствие сильных партий – без которых невозможен переход к парламентской республике – мы слышим уже много лет. Но откуда они возьмутся в президентской республике «российского исполнения»?

Откуда у граждан появятся стимулы объединяться в сильные партии, если партии не могут влиять на ситуацию в стране? Как могут партии укрепиться, если они могут критиковать правительство, но не могут его сменить, даже выиграв парламентские выборы? Как возникнет «конституционное правосознание», если система принятия властных решений выстроена по самодержавным принципам?

Эта система не просто не способствует появлению сильных партий – напротив, она целенаправленно их ослабляет. В ней сильной может быть только одна партия – созданная самой властью ради самосохранения. Но и она при этом не оказывает никакого влияния на правительство, поскольку зависит от него, а не наоборот, и является лишь правительственным департаментом по оформлению законодательных предложений...

Полупрезидентская республика, предлагаемая Шевцовой, Клямкиным и Красновым, конечно, лучше президентской. Но зачем нам нужен президент?

Если у него нет реальных полномочий – без него прекрасно можно обойтись. А если есть? В полупрезидентской республике – скажем, в упомянутой авторами Франции – президент может конфликтовать с парламентом и добиваться его роспуска и проведения досрочных выборов. В его ведении остаются вопросы обороны, безопасности и внешней политики. И он, будучи всенародно избранным, обязательно будет считать себя «главнее» парламента со всеми вытекающими из этого последствиями, которые мы уже наблюдали в 1992—1993 годах. Именно тогда, кстати (а вовсе не в период парламентской республики, – с весны 1990-го до лета 1991-го) – имела место та самая «дезорганизация государственного механизма», которой опасаются авторы. Оно нам надо, как сказали бы в солнечной Одессе?

Принципиальное изменение ситуации в стране возможно только в одном случае – если будет сделан шаг, а не полушаг. Если будет осуществлен переход к парламентской республике, где президентского поста нет вообще (или президент – лишь формальная фигура, как, скажем, в Германии, Австрии или Италии), а партии конкурируют между собой за право формировать правительство. Только в такой системе могут возникнуть сильные партии – и это будет происходить, потому что принципиально изменится отношение граждан к парламентским выборам: они будут понимать, что выбирают реальную власть. И политики будут бороться за мандаты в законодательной власти, а не за должности во власти исполнительной, получение которых зависит не от поддержки граждан, а от лояльности начальству.

«Надо считаться с наличным уровнем культуры российского общества, с тем, что принято называть ментальностью», – полагают Лилия Шевцова, Игорь Клямкин и Михаил Крас-

нов. Стоит напомнить, что в свое время в ментальности общества руководящая роль КПСС была закреплена ничуть не меньше, чем сейчас – руководящая роль президента.

Невское фильтрованное

Президент предложил допускать на выборы губернаторов только кандидатов, получивших поддержку муниципальных депутатов

Новая идея президента Дмитрия Медведева – еще один пример того, как власть допускает только такие изменения политических «правил игры», которые ни в коем случае не приводят к смене правящих элит.

Более ранний пример – «партийная реформа помедведевски». Партий теперь может быть много – но запрет на создание избирательных блоков, препятствующий образованию предвыборных коалиций, надежно сохраняет монополию власти (у нее-то всегда будет только одна партия).

Теперь то же самое – с губернаторскими выборами. Формально у граждан будет право выбирать губернаторов. Но только из числа тех, кто предварительно пройдет через «муниципальное сито». А оно заранее настроено так, что никого неудобного не пропустит. И оппозиционеры проиграют «губернаторский матч» просто потому, что не смогут даже выйти на поле.

Мысль о «муниципальном сите» была озвучена на встрече уходящего президента с губернаторами – то есть именно с теми, кто менее всего заинтересован в свободных выборах глав регионов. Дмитрий Анатольевич сообщил, что «у присутствующих здесь и целой группы людей, которая здесь не представлена, родились идеи по совершенствованию законопроекта о выборах губернаторов».

Мол, пусть кандидаты в губернаторы перед выборами заручатся поддержкой со стороны муниципальных депутатов и глав муниципальных образований. Это должно «помочь людям определиться – за кого из кандидатов голосовать».

Снова «фильтр»! Сперва был «президентский фильтр», дающий главе государства право «фильтровать» кандидатов в губернаторы от партий. Теперь – «муниципальный», решающий ту же задачу: не допустить к выборам неудобных кандидатов. Свести до минимума неопределенность результата, но на словах назвать это «выборами». Пойти на все, только бы не вводить традиционный

низм борьбы политиков и партий за право возглавить исполнительную власть, участвуя в выборах губернаторов.

Предлагая «муниципальный фильтр», президент не может не знать: подавляющее большинство муниципальных депутатов в стране – от «Единой России». И вовсе не потому, что это самая популярная партия, а потому, что в большинстве муниципалитетов (особенно в малых городах и сельских районах) никаких других партий просто нет. Там же, где они есть, оппозицию либо не допускают к выборам, либо дают «административным ресурсом», либо подделывают результаты. Исключения бывают – но они только подтверждают правило.

Поэтому предложение к кандидатам «заручиться поддержкой» части муниципальных депутатов в реальности означает получение поддержки «Единой России». Что автоматически отсекает от выборов всех мало-мальски сильных оппозиционных кандидатов.

Нормальный механизм выборов губернаторов ничего общего ни с какими «фильтрами» – ни президентскими, ни муниципальными – принципиально не имеет. Это – свободное выдвижение кандидатов (зарегистрированная партия получает такое право автоматически) и свободные выборы. Возможен, заметим, и другой способ формирования исполнительной власти региона – ее назначение властью представительной (система парламентской республики), но и здесь не должно быть никаких «фильтров».

И та, и другая схема обеспечивает главное: зависимость исполнительной власти от общества. Либо – прямую (через выборы губернатора), либо – опосредованную (через выборы гражданами депутатов). А то, что предлагает Дмитрий Медведев, имеет свой кардинальный порок именно в том, что такой зависимости не обеспечивает: тщательно «отфильтрованные» заранее кандидаты в губернаторы зависеть от граждан не будут – и соответственно, ничем не будут мотивированы исполнять их волю и решать их проблемы.

Впрочем, как представляется, такой задачи президент и не ставил. Он ставил другую: изменить форму – ни в коем случае не меняя содержания. Ведь стоит только допустить свободное выдвижение – и результат может оказаться непредсказуем. В чем Дмитрий Медведев вместе с Владимиром Путиным убедились на личном примере – в 1996 году, когда их патрон Анатолий Собчак проиграл губернаторские выборы в Петербурге Владимиру Яковлеву.

II

Война без победителей

Этот раздел – о позорной войне с Грузией в 2008 году. Войне, на которой были опробованы «технологии» будущей агрессии против Украины. Войне, на которую Запад дал, – к своему позору, – типично «мюнхенский» ответ. Именно этот ответ вселил в Кремль уверенность в том, что попытку можно повторить...

Наши танки на чужой земле

«Власти Южной Осетии не пустят обратно грузинских беженцев, которые покинули свои села в зоне грузино-осетинского конфликта из-за начала военных действий, сообщил президент непризнанной республики Эдуард Кокойты в интервью „Коммерсанту“.

„Мы не намерены туда больше кого-то запускать. Более 18 тысяч осетинских беженцев из Грузии сейчас находятся в Северной Осетии. Нам их нужно возвращать в Южную Осетию“, – заявил Кокойты. На вопрос о грузинских анклавах в Южной Осетии, действительно ли, что они фактически уничтожены, президент непризнанной республики ответил: „Мы там практически выровняли все. Установили границу Южной Осетии... А что, надо допустить, чтобы нас оттуда обстреливали? Опять стреляли нам в спину и издевались над нашим народом?“»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.